

Иринэ Модебадзе

Irine Modebadze

Институт грузинской литературы им. Шота Руставели

Shota Rustaveli Institute of Georgian Literature

**Основные маркеры ментальной карты советских
мигрантов-билингв в постсоветский период:
грузино-российский опыт**

**The Main Markers of the Mental Map of Soviet Bilingual
Migrants in the Post-Soviet Period:
Georgian-Russian Experience**

Soviet and post-Soviet experience is important to study the features of the worldview of bi – and multilinguals. The desire to create a new cultural identity – the Soviet people, could be described as the process of “Soviet mini-globalization”, involving several generations and nationalities of the USSR, on which territory most of the processes typical of economic and cultural globalization were recorded, including intensive internal migration (*rotation, forced/deportation, economic, family/individual*) and integration processes. Bi- and polylingualism was common: majority of population spoke the state language (Russian), the union republics (at the place of residence) and the native language of historical motherland (among ethnically non-Russian population). Although Russian was often the first native language, for so-called Russian-speaking population of the Union republics was characteristic liminal or hybrid consciousness of a multicultural type.

The collapse of the USSR, establishment of rigid borders of independent states significantly narrowed the boundaries of habitual life and cultural space of Russian-speaking writers, now living not in the territory of a single country

(USSR), but in neighboring independent states. The special conditions, when people found themselves separated from their historical motherland, contributed that their works, as a rule, are not characterized by the main indicators typical for the literature of migrants, such markers of cultural identity as language, religion and territory – “do not work”.

The article analyzes the main artistic markers of the mental map of modern Russian authors – immigrants from Georgia and their descendants. These are the concepts of *own town* and *home*.

The narrative of Moscow author Sopiko/Sofia Bezhanova’s poems dedicated to Tbilisi captures bilingualism: there are Georgian words and expressions in Russian transcription and their translation. The author’s commentary, explaining unknown to Russian reader realities and intertextual links between the imagery of the poem and words of Russian translations of Georgian songs, is also noteworthy. All this creates a special, “Georgian” discourse in Russian-language text. The ancient city is positioned as a “father”. Psychological time transports the reader to Tbilisi in the 1980s, and the concept of nostalgia for a lost motherland acquires additional connotations of longing for lost youth and happiness of first love.

In some cases, Tbilisi acts as a concept of historical motherland, memory of which should be passed on to subsequent generations. For example, Dimitri S/Dimitri Shengelia/ positions himself as a descendant of Tbilisians. He left the city in his early childhood, but for him Tbilisi is a home, family nest, the memory/love for which the poet must pass on to his son, born in the North.

Second-generation migrants born in Russia after formation of independent states are not characterized by typical bifurcation of the concept of *motherland* in hybrid consciousness, Georgia remains a *historical motherland* /land of ancestors/. In the work of the St. Petersburg poet Giorgi Khubulava, Tbilisi is no longer correlated with a mental map, but acquires the significance of a symbol of the struggle for independence.

The study shows that the main markers of conceptsphere coincide in the works of Russian-speaking writers living in Georgia and abroad.

საკვანძო სიტყვები: რუსულენოვანი მწერლები, საბჭოთა ბილინგვი მიგრანტები, მენტალური რუკის მარკერები, სახლი, ისტორიული სამშობლო.

Key words: Russian-speaking writers, Soviet bilingual migrants, Markers of the Mental map, Home, Historical Motherland.

Вступление. Проблемы би- и полилингвизма в условиях культурной глобализации

В настоящее время би- и полилингвизм являются объектом пристального внимания научной общественности. Изучение билингвизма (двуязычия) и полилингвизма (многоязычия) как социокультурного явления обрело актуальность в связи с активно протекающими процессами культурной глобализации и формированием т.н. глобализованного общества. По мнению исследователей, поскольку «живущий в эпоху глобализма поликультурный и полиязычный человек – это хранитель культурного наследия и посредник между лингвокультурами, <...> одна из главных функций билингвизма состоит в том, что он способствует коммуникации, и диалогу культур». Соответственно, «поскольку одним из основных показателей состояния общества является язык, любая трансформация социальных отношений отражается прежде всего на языковой системе. Понимая под трансформацией социальных отношений переход к мультикультурному обществу (сосуществованию культур на равных), <...> билингвизм/полилингвизм является настоятельным требованием современного глобализованного общества, функционирующего по принципу коммуникативного консенсуса» (Липчанская и др., 2019, с. 50, 51-52). Несомненно, это утверждение в полной мере относится и к состоящему из различных этнических групп и национальных меньшинств поликультурному обществу. Следует особо оговорить, что в современной научной литературе понятие «мультикультурное» используется в различном наполнении, иногда даже как синоним «поликультурного», тем не менее, это отнюдь не синонимы: «это два разных понятия и поле употребления их разное» (Новолодская, 2012, с. 237). Не вдаваясь в терминологические тонкости, отметим, что прежде чем развитие современного общества достигнет стадии равноправного сосуществования и взаимодействия различных культур, перед современной научной общественностью уже достаточно остро стоит вопрос о психологических особенностях мировосприятия би- и полилингвов. Речь, в первую очередь, идет об особенностях би- и поли/мульти/-лингвального мироощущения мигрантов второго/третьего поколения и потомках смешанных браков. Доказано, что

би- и полилингвизм оказывает влияние как на мировоззрение, так и на психологию поведения личности. Тем не менее, несмотря на обилие собранных фактов и многочисленные исследования, этот вопрос, все еще остается открытым. Достаточно значимым материалом исследований представляется русскоязычная литература Грузии и творчество писателей-мигрантов.

I. Советская «миниглобализация» и русскоязычная литература Грузии

Благодаря своему, имеющему устойчивую традицию, поликультурному характеру, русскоязычная литература Грузии представляется культурным феноменом, который формировался на протяжении многих веков. Прежде всего следует отметить, что полилингвизм был присущ жителям Грузии с незапамятных времен: даже самые низшие слои населения, как правило, владели языками соседних народов (хотя бы на контактном уровне). Объяснялось это как необходимостью общения с многонациональным населением Тбилиси – одного из крупнейших перевалочных пунктов между Азией и Европой на Великом шелковом пути, так и миграционными процессами в пограничных районах страны. Что касается образования – изучались как «христианские» языки (греческий, латынь), так и «политические», т. е. языки соседних влиятельных империй (персидский, арабский, турецкий), позднее к ним добавились европейские языки (начиная с XVIII в. это немецкий, позднее итальянский, французский, английский и русский). На протяжении веков приоритеты менялись, и с начала XIX века, после включения Грузии в состав Российской Империи, русский язык обретает особый статус – статус государственного языка, на котором осуществлялась коммуникация населения огромной страны.

Тифлис /Тбилиси/ – столица Кавказской губернии был культурным центром Закавказья, где создавались принадлежавшие различным национальным культурам русскоязычные тексты. Схожая ситуация сохранилась и в период существования Советского Союза – будучи государственным языком, русский язык был основным языком общения

на территории страны, и для многонационального населения Союза дву- и многоязычие было органической частью культурной ситуации. Поскольку основным критерием оценки советского литературоведения была идейная направленность произведений, то, независимо от того, на каком языке писался тот или иной текст, все они считались частью советской /или антисоветской/ литературы. Проблема культурной идентичности того или иного русскоязычного автора Грузии обрела актуальность только после распада СССР и образования независимых государств постсоветского пространства. По словам Хоми Бхабха, *«на рубеже столетий мы обнаруживаем себя в переходном состоянии, где встречаются пространство и время, чтобы разродиться сложными сочетаниями сходства и различия, прошлого и настоящего, внутреннего и внешнего, включения и исключения. Ибо в «за пределами» присутствует некое чувство потерянности, утраты направления: беспорядочная непрекращающаяся суэта, так хорошо улавливаемая французскими словами *audela* – здесь и там, со всех сторон, и *fort/da* – туда-сюда, взад-вперед»* (Бхабха, 2005, с. 161). При исследовании психологических особенностей протекающих в стремительно глобализующемся обществе социально-культурных процессов достаточно интересным представляется рассмотрение советского и постсоветского опыта.

Стремление создать новую культурную идентичность – советский народ, конечной целью которого было «воспитание нового человека» (*Homo soveticus*), с некоторыми оговорками, вполне можно было бы обозначить как процесс «советской миниглобализации», в котором участвовало несколько поколений народов и народностей СССР. В период этого масштабного социо-культурного эксперимента фиксируется большинство типичных для экономической и культурной глобализации процессов, в том числе интенсивные миграционные процессы (последняя, самая сильная, волна внутренней миграции на территории СССР была зафиксирована в 80-90 гг. годах прошлого века). Среди внутренних миграционных процессов можно выделить: 1) обусловленные государственными интересами *вахтовые миграции*: грандиозные советские проекты (освоение Крайнего Севера, целины, строительство БАМ – Байкало-Амурской магистрали, ТюменьСтрой и т.д.), «индустриализация страны» и «подъем народного хозяйства» требовали переброски огромного количества строителей и специалистов

в неосвоенные или малонаселенные районы страны. К этой категории можно отнести и т.н. «военные поселки» семей военнослужащих в местах дислокации военных частей. Военнослужащие нередко переводились с базы на базу, и их семьи следовали за ними, но некоторые члены семьи (напр., вступившие в брак с представителями коренного населения или не желавшие бросать любимую работу) оставались жить в той или иной республике, иногда оставались целые семьи вышедших на пенсию военных; 2) *принудительные миграции* (депортация) – высылка осужденных или неблагонадежных граждан в сложные по своим климатическим условиям районы; 3) вызванные объективными обстоятельствами (эвакуация гражданского населения в период войны, эвакуация из зон радиоактивного заражения, напр., после взрыва Чернобыля и т.д. *вынужденные миграции*; 4) *экономические миграции*, когда целые семьи меняли место жительства и устремлялись в интенсивно развивающиеся районы новостроек, а также в культурно-административные центры страны в стремлении получить лучшее образование и более высокооплачиваемую работу; к этому типу можно причислить и проводимое правительством с 1960-х годов стимулирование переселения людей в отдаленные районы, где им предоставлялась более высокая заработная плата, а также рабочие места выпускникам вузов (см.: Кумо, 2006, с. 1-19); 5) *семейно-бытовые (индивидуальные) миграции*, обусловленные личными обстоятельствами, такими, как смешанный брак и др. Многие из этих «временных переселенцев» впоследствии оставались жить на новом месте, и миграциям сопутствовала интенсификация интеграционных процессов. Обычным явлением был не только би-, но и полилингвизм: большая часть населения СССР владела государственными языками страны (русским), союзных республик (по месту проживания) и родным языком исторической родины (в среде этнически нерусского населения). Благодаря приоритету русскоязычного образования, именно русский язык нередко становился первым родным языком, хотя в целом для т. н. русскоязычного населения союзных республик характерно лиминальное, или гибридное сознание¹ поликультурного типа.

---

¹ Термин *гибридное сознание* введен в научный оборот Хоми Бхабха (Bhabha Homi K., 1994. The Location of Culture). По свидетельству Ил .Кукулина, «в неофициальной русской культуре и в культуре некоторых других народов СССР постколониальное

Распад СССР и установление жестких границ новых независимых государств значимо *сузил* границы привычного жизненного и культурного пространства, поставив писателей перед необходимостью определения собственной национальной и культурной идентичности. Многие из них, совершенно неожиданно для себя, оказались проживающими на территории соседних государств в силу того, что задолго до распада Союза проживали там, вступили в брак, имели детей, налаженный быт и карьеру. Они оказались в чрезвычайно сложной ситуации: если раньше на территории единой страны (СССР) связь с родными и близкими не представляла сложности, то теперь ситуация кардинально изменилась. Особые условия, в которых оказались эти «эмигранты поневоле»,¹ способствовали тому, что типичные для литературы мигрантов основные показатели, как правило, не характерны их произведениям: «не работают» основные маркеры культурной идентичности, такие, например, как язык, религия и территория.

Язык считается одним из основных компонентов этнокультурной идентичности, а также важнейшим критерием идентификации. Дифференциация «своего» и «чужого» в пространстве межэтнического социального взаимодействия осуществляется именно по этому критерию. Но, поскольку ни один грузиноязычный писатель не мигрировал в русскоязычное культурное пространство и мы можем говорить лишь об оказавшихся за пределами Грузии русскоязычных авторах, в данном случае маркер *язык* «не работает»: для большинства из них русский является или единственным родным, или, что встречается гораздо чаще (в случаях би- и полилингвизма), первым родным языком. Соответственно, независимо от того, где проживает в настоящее время тот или иной автор, их творчество продолжает развиваться в парадигме родного языка. «Не работает» и такой значимый маркер как религия (концепты конфессия и вероисповедание, на которые, как правило, опирается сис-

---

сознание начало формироваться в 1960-е - начале 1970-х годов - задолго до распада СССР как империи. <...> После распада СССР в русской литературе и литературах других бывших «союзных республик» элементы постколониального сознания стали гораздо более заметными (Кукулин, 2013, с. 151).

¹ Условную дефиницию «эмигранты поневоле» использую с целью дифференциации этой группы от т. н. «принудительных мигрантов» в терминологии П. Поляна (Полян 2001), т.е. депортированных советским правительством, в отличие от которых эти люди оказались жертвами не тоталитарного режима, но исторических перемен.

тема нравственных ценностей). Объяснение лежит на поверхности: с одной стороны, нравственные основы и русской и грузинской культур уходят корнями в православную традицию и имеют схожую систему нравственных ориентаций, но, с другой, огромное влияние оказывает факт профанации религиозных ценностей на протяжении 70 лет существования госатеизма, в результате чего достаточно большое количество «бывших советских людей» могло бы присоединиться к словам одного из героев Акунина-Чхартишвили: *«К сожалению, я не религиозен – таким сформировала меня среда и воспитание»* (Акунин-Чхартишвили, 2012, с. 7). Поэтому применительно к русскоязычным авторам постсоветского пространства совершенно справедливым представляется утверждение Т. А. Снигиревой и А. В. Подчиненова: *«Безусловно, что приверженность к той или иной религии, равно как и принадлежность к той или иной нации, не является гарантом поступательного развития личности и общества»* (Снигирева, Подчиненов, 2013, с. 244). Что касается другого, не менее значимого показателя национальной и культурной идентичности, местопроизводства (территории), он и вовсе не применим к русскоязычным авторам постсоветского пространства. Говорить о том, что эти люди, переселившись в другие страны, изменили место жительства в данном случае невозможно – это их огромная страна исчезла с политической карты мира, в силу чего многие оказались на территории иностранных государств не по своему желанию, но в силу исторических перемен.

В настоящее время активно развивается процесс формирования нового типа человеческой личности, который часто характеризуют как маргинальный (поскольку считается, что эти люди существуют на стыке двух и более культур – см. Мартынова, 2010, с. 507-528) или, в контексте постколониального сознания, как гибридный. В условиях ускорения процессов культурной диффузии, огромный интерес научной общественности привлекают проблемы инкультурации (усвоения традиций и норм поведения иной культуры), маргинальной среды, под которой понимается сфера схождения культур и культурной маргинальности.¹ Тем не менее, русскоязычная литература Грузии,

---

¹ *Культурная маргинальность* - понятие, характеризующее положение и особенности жизнедеятельности групп и отдельных личностей, чьи установки, ценностные ориентации, модели поведения одновременно соотносены (реально или в интенции) с

исследование которой в этом ракурсе могло бы дать интереснейшие результаты, все еще остается в зачаточном состоянии. Как мы уже отметили выше, в силу идеологического диктата она осталась вне поля зрения советского литературоведения. Несмотря на то, что после распада Союза этому вопросу был посвящен ряд статей И. Модебадзе и Т. Мегрелишвили, вопрос о её специфике и культурной значимости всё еще остается открытым. Что же касается русскоязычной литературы мигрантов и их потомков, то изучение их творчества только начинается и представляется перспективным направлением будущих исследований.¹ В центре нашего внимания сегодня специфика би- и полилингвального мироощущения проживающих на территории Российской Федерации писателей. Поскольку, как уже было сказано в этом случае «не работают» основные маркеры культурной индентичности, мы проанализировали художественные маркеры таких концептов как Родина, Тбилиси, Дом в контексте ментальной карты современных российских авторов – выходцев из Грузии и их потомков.

II. «Родной город» на ментальной карте уроженцев Тбилиси

Следует особо оговорить, что практически во всех, как создаваемых на территории Грузии, так и за рубежом, русскоязычных текстах уроженцев Грузии звучат ностальгические нотки – тоска по утраченной родине, но родина предстает тем большим общим русскоязычным миром, память о котором еще жива в сознании этого поколения, или видится в образе родного города, чаще всего, многонационального Тбилиси, каким он остался на ментальной карте его жителей. В качестве примера приведем несколько стихотворений московского автора Сопико /Софьи Бежановой/, опубликованные на российском литературном портале Стихи.ру.:

различными культурными системами, но при этом они не интегрированы полностью ни в одну из них.

¹ Нами была предпринята попытка исследования наиболее общих вопросов в статьях Модебадзе, 2019, с.17- 36; Модебадзе, 2016, с. 265-321.

Я так скучаю, мой Тбилиси...

Окно, распахнутое в небо,
В такой **лазурный небосвод**,
Скучаю очень, менагребии,
Я по тебе который год,

По милым уголкам Тбилиси,
По парку старому, в **Ваке**,
По ресторанчику «**Эгриси**»
Скучаю здесь я, вдалеке,

Хочу пройтись по **Руставели**,
Подняться на **фуникулер**,
Хочу, чтоб мне «Мхолод шен...»
спели
Все, кто когда-то был влюблен,

Хочу я станцевать «**Картули**»
На свадьбе у своих друзей,
Хочу, чтоб времена вернулись,
Когда мы были вместе все,

Хочу услышать вновь «**Орэра**»,
Когда над нами солнца круг,
И песня прозвучит — симгера,
Лозой обвит здесь каждый звук!

Хочу, как в детстве, в «**Накадули**»
Смотреть любимое кино,
С соседской девочкой Нанули
В киоск бежать за эскимо,

Хочу я лимонад **Лагидзе**
В кафе уютном снова пить,
Хочу без памяти влюбиться,
Над «**Тирипеби**» слезы лить,

У памятника Горгасали
Над величавою **Курой**
Рассвет июньский вновь
встречать бы
Всем классом в год наш
выпускной,

Мне б в октябре, на «**Тбилисоба**»
Признаться вновь в любви тебе,
И говорить всем: «Гамарджоба!»
И слышать: «Мравалжамиэр!»

Спят **Нарикала** и **Мтацминда**,
Платанов кроны шелестят,
К тебе хочу — ме шентан минда,
Шепчу который год подряд,

Я так скучаю, мой Тбилиси,
До боли в сердце и до слез,
И о тебе, родной, все мысли
В краю снегов, в стране берез

При первом же прочтении этого стихотворения обращает на себя внимание включение в нарратив написанных кириллицей грузинских лексем. Мы выделили их курсивом. Почти во всех случаях в тексте тут же приводится их перевод на русский:

Скучаю очень, менатреби → მენატრები (menatrebi) – скучаю (по тебе)
песня прозвучит – симгера → სიმღერა (simghera) – песня
К тебе хочу – ме шентан минда → მე შენთან მიბრძა (me shent'an minda) –
хочу к тебе.

Единственное исключение – данное без пояснений слово *Гамарджоба* (გამარჯობა/gamardjoba/) в переводе не нуждается: контекст однозначно указывает на то, что это приветствие. Подтверждение того, что Сопико – билингв находим в ее переписке с читателями (рубрика Рецензии): «*Что касается грузинского – это мой родной язык*».

Двуязычие, как художественный прием, далеко не нов (достаточно вспомнить стихи Вл. Маяковского).¹ Вместе с названиями грузинских песен («*Мхолод шен...*», «*Тирипеби*», «*Мравалжамиэр*») и реалий (географических маркеров – *парк Ваке, Руставели, фуникулер, Лагидзе, памятник Горгасали, Нарикала, Мтацминда; платанов* – символа Тбилиси второй половины XX века) оно придает тексту специфичный «грузинский акцент». Лейтмотивом звучит аллюзия на известный шлягер 80-ых – т. н. «Гимн Тбилиси» /«Тбилисо»; «Песни о Тбилиси»/, неоднократно исполнявшийся Нани Брегвадзе, Вахтангом/Бубой Кицабидзе, Тамарой Гвердцители и Валерием Меладзе в переводе Мих. Танича.² Напомним несколько куплетов из этого русскоязычного текста:

<i>Такой лазурный небосвод</i>	<i>Идёшь аллеей вдоль Куры</i>
<i>Сияет только над тобой,</i>	<i>И над тобой платанов сень</i>
<i>Тбилиси, мой любимый и родной.</i>	<i>Своей прохладой в знойный день</i>
	<i>манит.</i>

Маркерами интертекстуальной переключки служит упоминание платанов и лазурного небосвода. В ответе на рецензии читателей Сопико признавалась: «*И именно о этом небосводе из этой песни я и написала... Тбилисо, мзис да вардебис мхарео! О, Тбилиси, город солнца и роз!*» (17.03.2011). Примечателен и сам псевдоним поэтессы: Сопико

1 О художественной функции русскоязычных вкраплений в грузиноязычных текстах см.: (Модебадзе, 2008, с. 350-356 и Модебадзе, 2007, с. 508-516).

2 Популярности этой песни в немалой степени способствовал и тот факт, что в 1976 г. Нани Брегвадзе дебютировала с ней на фестивале «Песня-76».

– уменьшительная форма грузинского имени Сопио / Софья/. Однако, исходя из выбранного ракурса исследования, для нас гораздо более интересна другая группа выделенных мной слов. Это реалии, которых давно уже нет в современном Тбилиси: нет кинотеатра «Накадули»,

да и сама улица, на которой он когда-то находился (ул. Камо) уже много лет как переименована; нет и ресторанчика «Эгриси». В начале 80-х годов XX века распался вокально-инструментальный ансамбль «Орэра» (правда, альбомы песен «Орера» выходили почти до конца десятилетия). Перестроена набережная – проезжая часть расширена за счет бывшей когда-то популярным местом пешеходных прогулок платановой аллеи. В наше время гулять вдоль Куры (среди нескончаемого потока автомобилей!) практически невозможно, и традиция бродить после школьного выпускного бала до рассвета по набережной также давно осталась в прошлом... Таким образом, все эти реалии оказываются маркерами не только города, но и времени, вернее, оставшейся в прошлом целой эпохи.

Совершенно очевидно, что Софья Бежанова покинула Тбилиси, скорее всего, в конце 80-х – начале 90-ых годов прошлого века (названные в стихотворении места были особо популярны именно в те годы), и на ментальной карте поэтессы город остался таким, каким он был в то время. Что же касается психологического времени, то синхрония ментальной карты однозначно указывает на то, что ее воспоминания соотносимы с ранней юностью. Они обрываются после окончания школы: на временной оси ментальной карты выпускной бал служит точкой отсчета начала нового периода жизни. Из переписки с читателями узнаем, что какое-то время поэтесса жила в Сухуми: *«Я замужем была в Абхазии. Война проклятая жизнь надвое расколола»* (рецензии 25.03.2011), и проведенная в Тбилиси ранняя юность запомнилась как самый приятный период жизни.

Человеку свойственна индивидуальная особенность восприятия времени. Большинство исследователей отмечают наличие существенных различий между психологическим временем и хронологическим, объективным. Психологическое время «характеризуется отсутствием линейности, необратимости, отсутствием строгой метрики и непроницаемости» (Нестерова, 2019, с. 165-166). Психологическое время обратимо, и в стихах поэтессы четко прочитывается желание вернуться в эпоху своей юности, которая символизируется в образе затерянного во времени города-символа утраченной культурной общности (*Хочу, чтоб времена вернулись, Когда мы были вместе все*), и именно этот «любимый город продолжает существовать в наших сердцах!..» (Ия Диаконидзе, 24.01.2012) – сердца живущих «в краю снегов, в стране берез». То, что Сопико прекрасно осознает, что ее ностальгия — это не только ностальгия по городу юности, но и по самой юности четко прочитывается в другом стихотворении поэтессы:

Тбилиси, спой мне «Иавнана» (<https://www.stihi.ru/2011/05/14/5781>)

О чем грустят твои **платаны**
По фиолетовым ночам?
Тбилиси, спой мне «Иавнана»,
Вернув мне детское «вчера»,
Тебе уже я прошептала
О том, как здесь скучаю я,
Крепка любовь, как **Нарикала**,
И годы нас не разлучат...
Моя ты боль, моя ты радость,
Ты – мой уют и цитадель,
Ты – мудрости извечный кладезь,
Ты как отец мне...И поверь
Что я люблю твой каждый камень,
Мосты, сады, изгиб **Куры**,

И всех признаний жаркий
пламень,
Что **Руставели** рождены,
Мой город, мой родной Тбилиси,
Чем дальше ты, тем мне милей,
Галактион мне дарит мысли,
Леча поэзией своей!
И белый конь летит, как в песне,
Себя не дал он обуздать,
И лебедь рвется в поднебесье,
Рожденный высоко летать!
Вновь над **Метехи** солнце встало,
Тебе даря любви рассвет,
Мой седовласый, величавый
Тбилиси!
Краше в мире нет!

Здесь также встречаем географические маркеры (*Нарикала, Кура, Метехи*), встречаются и интертекстуальные отсылки к тексту грузинской культуры – упоминания *Руставели, Галактиона, белого коня и лебедя*. Привлекает внимание и комментарий, которым поэтесса сочла нужным сопроводить публикацию своего стихотворения:

«Иавнана» – грузинская колыбельная Нарикала – древняя крепость

Галактион Табидзе – классик грузинской литературы (У Оры Гурули есть замечательный перевод его гениального «Чем дальше ты, тем больше я влюбляюсь»). Есть очень красивая песня «Тетри раши» в исполнении Мераба Сепашвили – там про белого коня и белого лебедя... Прослушайте, если будет желание. Есть и перевод.

Метехи – исторический район Тбилиси, на скале, прямо над Курой».

Комментарий не только объясняет неизвестные русскому читателю реалии, но и подчеркивает связь образной канвы стихотворения со словами русских переводов грузинских песен, а также обращает внимание читателей на интертекстуальную перекличку со строкой Галактиона в переводе Оры Гурули:

Чем дальше ты, тем мне милей (Сопико)

Чем дальше ты, тем больше я влюбляюсь (Галактион)

Все это создает совершенно особый, «грузинский», дискурс русскоязычного текста. Сам древний город позиционируется как «отец» (*Ты как отец мне*). Колыбельная Иавнана призвана вернуть поэтессе «детское вчера», однако, в отличие от психологического, реальное время необратимо, а способное перенести человека в мир прошлого вино из одуванчиков, к сожалению, существует только в художественной реальности одноименной повести Рея Бредбери (Ray Bradbury. *Dandelion Wine*, 1957). Ассоциация *иавнаны* Софики с вином из одуванчиков далеко не случайна – оба метафорических символа несут схожую художественную нагрузку, и хотя первый перевод повести на русский язык датируется концом 70-х годов, она пользовалась огромной популярнос-

тью именно у молодежи 80-ых. Приведем еще одно стихотворение Сопико:

Шатало ты мое, шатало!

Как дышалось тогда нам привольно!

Тбилисо, мой родной Тбилисо,

Ты живи!!! И того мне будет довольно!»

Сопико (<https://www.stihi.ru/comments.html?2011/03/14/558>)

Здесь также имеются включения грузинских лексем: *Тбилисо* – звательный падеж от обращения к городу и, одновременно, название т. н. «гимна Тбилиси» *სობღურს ობოლობზე*¹. Поэтому заключительная строка стихотворения воспринимается как отсылка к рефрену песни: «Не найти в других краях твоих красот, // Без тебя и жизнь мне не мила». Особого внимания заслуживает временная дистанция сейчас → тогда (*Как дышалось тогда нам привольно!*). Так концепт ностальгия по утраченной родине обретает дополнительную коннотацию тоски по утраченной юности и счастью первой любви: *А над Тбилиси – первый гром, // С многоголою грозою, // И ты безудержно влюблен...* («Будущие воспоминания» – <https://stihi.ru/2012/06/11/8554>). Подобная трансформация представляется совершенно естественным следствием жизненных перемен. Аналогичный мотив встречается и в текстах других поэтов (в том числе и проживающих в Грузии) — ностальгия по полной надежд юности, по той поре, когда «деревья были большие»², а будущее представлялось безоблачной дорогой к счастью, персонифицируется в образе города «прекрасного далёка»³. Примечательно, что читатели так и восприняли стихотворение «Я так скучаю, мой Тбилиси...»: «*Милая София! Это стихотворение-ностальгия... И в первую очередь – по*

---

1 Музыка Реваза Лагидзе, слова Петра Грузинского. Начиная с 80-ых – всесоюзный шлягер в исполнении ансамбля «Орера».

2 «Когда деревья были большими» — популярная в советском культурном дискурсе 70-ых – 80-ых годов прошлого века метафора детства. Распространилась после выхода на экран в 1962 г. одноименного художественного фильма, главную роль в котором исполнял кумир советских зрителей Юрий Никулин.

3 «Прекрасное далёко» – популярная песня из кинофильма «Гостья из будущего» (1984), сюжет которого по мотивам фантастической повести Кира Булычёва «Сто лет тому вперёд» (1977) построен на приключениях путешественников во времени, в частности, возвращении в прошлое.

детству... *Нравится! спасибо!!!*» (Лариса Шахбазян Лапшова, 14.03.2011). Но время вносит свои коррективы (см.: Бессокирная и др., 2010) – город изменился, и поскольку в реальности настоящего уже не существует оставшейся в прошлом родины нашей юности, то, независимо от того, где в настоящее время проживают поэты — в Тбилиси или за пределами Грузии, их объединяет общее чувство безвозвратной утраты. Отклики читателей доказывают, что выраженные поэтессой чувства разделяют и другие мигранты, более того, объединенные порталом Стихи.ру, они как бы образуют новую культурную общность – «тбилисцы в России»:

«Сопико! Все во мне взбудоражила. Тот... Наш любимый город продолжает существовать в наших сердцах!.. Красиво у тебя получается вплести до боли родные слова в стих, супер!!! Диди мадлоба! Сикварулит да пативисцемит, Ия» (Ия Диаконидзе, 24.01.2012); «Пора, пора домой. Правда, кафе «Лагидзе» на Руставели уже нет. <...> И многое изменилось. Но главное – осталось... А, что главное – пойдем только мы с Вами» (Канатчикова Дача 20.04.2011); «Над «Тирипеби» слезы лить. Лью... Стареем что ли))) Прошлого не вернуть, но я ВЕРЮ в будущее. Сонь, Ты мне уже как родная. Спасибо, окунула с головой...))» (Вера Гиоргадзе, 04.07.2011); «Эту боль назвали красивым словом – ностальжи... Разве можно боль называть красивым словом... Софико, за день ставшая мне духовно близким человеком, мы должны быть вместе! Назло нежелающим этого!» (Роза Хастян, 18.01.2012) и т.д.

«Литература – неотрывная часть целостности культуры, её нельзя изучать вне целостного контекста культуры» (Бахтин, 1986, с. 363), и это заставляет нас обратить особое внимание на специфику понятий *Тбилиси* и *тбилисец* в общем контексте городской культуры¹. Благодаря многочисленным волнам миграционных и интеграционных процессов, за свою многовековую историю Тбилиси сформировался как поликультурный город, а сложившееся из представителей различных национальных меньшинств, а также потомков смешанных браков, рус-

---

¹ Понятие *городская культура* включает в себя типичный для населения того или иного города образ жизни, собственную иерархию духовных ценностей и специфику менталитета (см.: Белоусова, 2007, с. 214– 219).

скоязычное население города составило особый социо-культурный слой со своими традициями, мироощущением, жизненным укладом и собственными культурными концептами. Таким образом, *тбилисец* – это представитель созданной многими поколениями разноэтнического населения поликультурного города особой субкультуры, которая характеризуется целым рядом характерных особенностей, к самым значимым из которых можно причислить приоритет таких ценностных ориентаций, как *этническая и культурная толерантность*, определяющих иерархию нравственных ценностей и поведенческие модели их носителей. Как известно, структура любой городской субкультуры в качестве базовых элементов включает систему ценностных ориентаций, поведенческие модели и особую коммуникативную среду, в которой рождаются и функционируют ее представители. Они определяют специфику мироощущения и образ жизни. Русский язык собственно и был подобной коммуникативной средой, объединявшей многоэтническую общность тбилисцев в условиях государственного билингвизма последних двух веков, поэтому Тбилиси, чаще всего, выступает как символ единения различных культур. Привлекает внимание тот факт, что как литературную традицию мы встречаем Тбилиси в этом качестве и в произведениях проживающих в Грузии представителей молодого поколения русскоязычных авторов, для которых утрата «старого Тбилиси» такая же культурная трагедия, как и для писателей старшего поколения. Поскольку большинство наших авторов – уроженцы Тбилиси, неудивительно, что функцию концепта *родина* обретает именно Тбилиси, и национальная и культурная идентичность выражается через утверждение «Я – тбилисец».

Многие из современных писателей пользуются псевдонимами¹, и на сегодняшний день установить точное количество проживающих за рубежом русскоязычных писателей – уроженцев Грузии или их прямых потомков, к сожалению, не представляется возможным: конфиденциальность частной информации охраняется международным законодательством. Чаще всего мы можем ориентироваться лишь на созданные ими тексты, такие, как, например, стихотворение Dimitri S /

---

¹ В ряде случаев, получая гражданство, или, вступая в брак и меняя социальный статус, люди изменили не только фамилии, но и национальность.

Димитрия Шенгелия/ «Мой дом – мой Тбилиси». Это стихотворение, особенно в музыкальном сопровождении, нашло горячий отклик в сердцах мигрантов (см.: <https://soundcloud.com/levan-kapanadze-865508810>). Приведу небольшой отрывок (<https://stihi.ru/2002/09/23-805>):

***Я не знал до сих пор,** пока сам не услышал как шумят поезда в тишине
той ночной.*

***Я не знал до сих пор,** пока сам не увидел как горят фонари в темноте
над рекой.*

*Я безумно влюблен в **город свой, свой Тбилиси.***

Я приехал сюда для того, чтоб любить.

***Я хочу чтобы он, сын мой, тоже увидел** те места, где и я предпочел
бы жить.*

*Фонари над Курой освещают мне путь , по которому я выбрал всю
жизни суть.*

*И угрюмая жизнь, по которой живут, для меня бы она создавала б уют.
Когда южное небо создает ореол от земли до созвездий , ты летишь
как орёл.*

*И когда ты безумен, и взмахнешь ты крылом, то **тогда не забудешь как
прекрасен твой дом.***

Автор позиционирует себя как потомок тбилисцев (вероятно, он покинул родной город в раннем детстве). Из текста следует, что поэт впервые приехал на родину предков (...я не знал до сих пор...), но для него Тбилиси не просто город, в который он *безумно влюблен*, это – то место, где он *предпочел бы жить*. Тбилиси Dimitri S –далеко не идеализированный образ. Здесь *угрюмая жизнь, по которой живут* (вероятно, речь идет о Тбилиси времён энергетического и экономического кризиса), но – это *дом*, где даже такая жизнь *создавала б уют*. Это – родовое гнездо, память/любовь к которому поэт должен передать рождённому в далеком краю сыну, и «*тогда не забудешь, как прекрасен твой дом*». Таким образом, в ряде случаев Тбилиси выступает и в качестве концепта *историческая родина*, память о которой должна быть передана последующим поколениям.

III. «Историческая родина» в творчестве мигрантов второго поколения

Дефиниция «историческая родина» имеет несколько определений¹, но относительно родившихся в советскую эпоху русскоязычных поэтов вопрос об их исторической родине настолько сложен и противоречив, что в ряде случаев чёткая дифференциация не представляется возможной, как, например, в случае с православным мыслителем, поэтом-философом, публицистом и ученым Валентином Арсеньевичем Никитиным (1947-2017). Этнически русский, мигрант второго поколения (его родителей забросила в Грузию из России Вторая мировая война), уроженец Тбилиси, Вал. Никитин вырос и получил образование в Грузии, но по окончании Университета (в 1971 г.) в надежде продолжить образование в Духовной академии переехал в Москву, женился и прожил там всю жизнь. Казалось бы, в этом случае следует говорить о возвращении россиянина на историческую родину предков, но это было бы непростительным упрощением – в глубине души поэт так и остался тбилисцем: *«Уехав из Тбилиси, он словно никогда не покидал Грузию. <...> Именно разноголо- сый Тбилиси стал «замесом» для творчества Валентина»* (Филина, 2021, с. 15, 19). Вся деятельность учёного и общественного деятеля была посвящена укреплению грузино-русских культурных связей, сближению русской и грузинской церковей. Мать и родственники поэта остались в Тбилиси, а сам Вал. Никитин часто приезжал в Грузию. Он был прекрасно интегрирован и в русскую, и в грузинскую социокультурную среду. Живя на родине предков (в России), поэт не только не порывал связи с Грузией, но и планировал «вернуться на родину» – в Тбилиси, что однозначно звучит в его стихах: *«Зов родины и зов души! // Вернуться в Грузию пора мне... // Я слышу голос: поспеши!»*, 2015 (из сб. «Вечерний зов», 2019). Таким образом, по принадлежности к титульной нации и родине предков, исторической родиной поэта должна считаться Россия, но по месту рождения и «зову души» – это Грузия. Вал. Никитин умер в Грузии, похоронен в Москве...

---

¹ Чаще всего понятие «историческая родина» используется и как обозначение места рождения конкретного человека (то есть государства, на территории которого он родился), так и государства, к титульной нации которого он относится по своей национальности, независимо от места его рождения.

Грузия является исторической родиной /землей предков/ и для тех, кто родился в семьях уроженцев Грузии уже в России, и в заключение, мы хотели бы остановиться на недавних стихотворениях современного петербургского автора Григория Хубулава. Однако прежде чем перейти к разбору текстов, считаем необходимым сказать несколько слов о самом писателе. Его отец – известный российский кардиохирург, академик РАН, Геннадий Григорьевич Хубулава родился в 1960 г. в селе Ингири Зугдидского района Грузинской ССР (отец мегрел, мать русская). В возрасте 18 лет он покинул родные места и продолжил образование в Ленинграде /Санкт-Петербурге/. Получив профессию военного врача, продолжил службу/работу на территории России. В 1982 году, уже в Санкт-Петербурге, родился старший сын – Григорий. Таким образом, этот потомок смешанных браков (мать писателя, так же как и бабушка, русская) однозначно может быть причислен к т. н. мигрантам второго поколения.

Доктор философских наук, профессор нескольких ВУЗов, Гр. Хубулава, одновременно, успешный писатель и поэт. Он – лауреат ряда литературных премий, автор поэтических сборников «Клубок» (2005), «Точка опоры» (2007), «Признаки жизни» (2010), «Иными словами» (2012) и сборника малой прозы «Камушки» (2017). Формирование личности родившегося в России писателя происходило уже в эпоху становления независимых государств постсоветского пространства, поэтому свойственное гибридному сознанию раздвоение понятия родина ему не свойственно. Тем не менее, поэт не утратил связи с Грузией, особенно с ее Западным регионом, Самегрело /Мегрелией/ – исторической родиной предков. Связь поколений с родной землей образно передана в «Песне о груше. Подражание грузинскому» (<https://stihi.ru/2020/07/30/6366>):

*Заледенела в бурю, не видя Божий свет,
Погибла **хечечури**, что посадил мой дед.
Кому-то – просто груша, забыли и живём,
А мне, как будто душу порезали ножом.
Побегов молодые мне видятся следы,
Под солнцем золотые, упругие плоды.*

*Цветут на небе звёзды и пьют с листвы росу,
А я порою поздней в сад саженцы несу,
Их посажу сегодня, земле шепну «Прости»,
Мы – семена Господни, рождённые расти.*

Среди стихотворений поэта встречаем обращение к чонгури («Мегрельская песня»: <https://stihi.ru/2021/12/18/7349>), зарисовки живописных пейзажей («Мегрельское»: <https://stihi.ru/2020/11/15/9399>), а в числе адресатов многочисленных «Фантазий на тему...» и «Подражаний ...» (... французскому, ... древнему) – имя Терентия Гранели («Подражая Гранели»: <https://stihi.ru/2021/12/13/5213>). В этих поэтических текстах отсутствует типичное для билингов включение грузинских лексем: упоминание хечечури (местный сорт груш), так же, как и чонгури – всего лишь реалии, однако наличие среди произведений поэта стихотворений на английском языке (“Whole life is past so slowly step by step”, “The healer was standing over a child”, “I m flying, yet I never learned to fly” и др.) позволяет предположить, что он является носителем полилингвального сознания. Хотя Тбилиси и не соотносится с ментальной картой поэта, среди размещённых на портале Стихи.ру в 2022 году произведений находим текст, в котором явственно проступает образ этого города (<https://stihi.ru/2022/03/21/7348>):

*Это битва твоя, это слава твоя,
Я гляжу, и глаза не закрою,
В тёмном небе ночном – наконечник копья,
Как звезда над драконьей горою.
Устремляешься вниз, восседая верхом,
Вечный враг вакханалий и оргий,
На чудесном своём скакуне кучевом,
Поражающий змия Георгий
Учишь боль и желанья свои побеждать,
Переполнив полночную чашу,
Рай и чистую вечность готовый отдать
За свободу жестокою нашу.*

В тексте нет никаких указаний на то, где видел поэт вдохновивший его на это стихотворение образ. Но перед внутренним взором любого тбилисца неизбежно возникает одна и та же картина – посвященный независимости грузинского народа *Памятник Свободе* на центральной площади родного города. Мемориал, известный как статуя Св. Георгия /покровителя Грузии/, был установлен на Площади Свободы в 2006 году. Покрытое золотом бронзовое изваяние (5,6 м в высоту) подарил родному городу скульптор Зураб Церетели. Статуя Святого установлена на гранитной стеле. Общая высота мемориала составляет 35 м. Золотое свечение возвышающегося над городом, день и ночь ярко освещённого Памятника символизирует святое покровительство борьбе за Свободу. На этом общекультурном фоне для тех, кому знаком затекст¹, обращение к Св. Георгию звучит как обращение к недавней истории грузинского народа.

Ключевым словом, открывающим глубинный смысл стихотворения служит упоминание *Драконьей горы*. «Драконья гора» – вымышленная реалья в серии романов Джорджа Р. Р. Мартина «Песнь льда и огня», обретших особую популярность после выхода на экран снятого по ее мотивам телесериала «Игра престолов» (англ. *Game of Thrones*), премьера Первого сезона которого состоялась в 2011 году. В художественном пространстве произведения это активный вулкан на острове Драконий Камень в Узком море, в пещерах которого когда-то обитали драконы. У подножия вулкана расположен замок Драконий Камень – наследственное владение «повелителей драконов» /«наездников драконов»/, королевской династии Таргариенов, почти триста лет правивших Семью Королевствами. Их правление поддерживали драконы, кровь которых, по преданию, текла в жилах древней династии. Одна из основных сюжетных линий строится на истории борьбы за трон Семи Королевств потомка свергнутой династии. Последним из выживших драконов отводится роль верных соратников. Соответственно, Драконья гора может быть интерпретирована не просто как географическая реалья вымышленного мира, но как символ опирающейся на мощь драконов власти. В романах/

---

¹ Затекст – «фрагмент действительности, отображенной в тексте. Затекст присутствует в тексте неявно — как отсылка к реальным событиям или явлениям» (Глухов, 2005, с. 115).

телесериале поднимается вопрос об оправданности/неоправданности завоевания соседних государств с целью «освобождения народов» (уничтожения рабовладельческого строя), недопустимости насилия в борьбе за власть, а также многое другое.

Интертекстуальная отсылка позволяет интерпретировать глубинную символику стихотворения: копьё Святого Георгия направлено против опоры свергнутой власти – родового гнезда драконов (Драконьей горы): *В тёмном небе ночном – наконецник копья, // Как звезда над драконьей горою. // Устремляешься вниз, восседая верхом.* В поэтической реальности стихотворения общепризнанный символ борьбы Добра со Злом (Св. Георгий) продолжает нескончаемую битву «За свободу жестокую нашу».

У старожилов Тбилиси еще свежа память о том времени, когда площадь носила имя В. И. Ленина, а на месте Памятника Свободы возвышалась статуя «вождя мирового пролетариата». Непроизвольно возникает аллюзия на историческую реальность – борьбу с отжившей свое время властью. Соответственно, не только Памятник, но и сам город обретают значимость символа самоотверженной борьбы за свободу.

Свобода жестока. Так же, как и борьба за власть, борьба за свободу неотделима от битв, кровопролития, насилия... Позиция автора по отношению к тем, кто готов проливать чужую кровь, строго непримирима (<https://stihi.ru/2022/03/12/8596>):

Увидев Сатану, не поведёт и бровью

Твой господин, властитель мудрый твой,

И соглашенье с ним подпишет свежей кровью...

Не собственной... чужой..

На этом фоне особую значимость обретают посвященные «горячим точкам» постсоветского пространства строки других стихотворений

поэта. Его отношение к тем кто убивает и тем, кто ими был убит четко выражено в стихотворении «Когда от гнева и от боли взорвётся сердце изнутри» (<https://stihi.ru/2022/03/15/6794>):

*Когда от гнева и от боли взорвётся сердце изнутри,
И чья-то гибельная воля мне крикнет хрипное «умри»,
Я отвердею, словно камень, забыв движенье рук и ног,
Чтоб ни шрапнелью, ни штыками никто пронзить меня не мог.*

*Пытаясь выпустить из раны застойной ненависти гной,
Я на пути у постоянной атаки вырасту стеной.
Поверь, стена не забывает, не зная, кто её дробит,
Увы, ни тех, кто убивает, ни тех, кто ими был убит.*

Не менее примечательно стихотворение «Как правота тверда!»:

<i>Как правота тверда! Она летит снарядом, Со свистом тонкий воздух разорвав, И попадает в цель, и всё разносит рядом</i>	<i>Не знает правота ни страха, ни сомнений, Сильней добра она, коварней зла, Там, где она прошла, останутся лишь тени, Лежит зола.</i>
---	--

С тем, кто неправ.

*Там, где она прошла, чернее дым и копоть,
А шрамы говорят тебе о том,
Что плоть твоя мягка, что слышен плач и шёпот,
Где был твой дом. (<https://stihi.ru/2022/03/12/8558>):*

Рисунок, иллюстрирующий это стихотворение, подчеркивает: там, где прошла война, там, где был твой дом, остались лишь тени, лежит зола, дым и копоть, а когда-то плодородная земля превращена в пустыню. О том, что поэт придает большое значение

визуализации свидетельствует стихотворение «Мальчик рисует сражение: танки и взрывы» (<https://stihi.ru/2022/03/03/8220>):

*Мальчик рисует сражение: танки и взрывы
Яркой гуашью на плотном холодном листе,
**Кто-то из взрослых считает, что это красиво,
Что понимает счастливец в такой красоте.***

*Рыжая девочка сутки проводит в подвале,
Смотрит растерянно вверх посреди пустоты,
**Что бы знакомые мальчики ни рисовали,
Девочка пальцем на стенах выводит цветы.***

*Время терпеть или в голос молиться о чуде,
Явь превратилась в безумный, бессмысленный сон.
Слышишь отсюда, как громче тяжёлых орудий
Стонут пехотные, в Харьков входя и Херсон?*

*Эхо над городом катится сухо и грозно,
Столп нерушимого мира навеки разбит,
В реку дрожащую падают дикие звёзды,
Ангел стальной в белый рог раскалённый трубит.*

«Столп нерушимого мира навеки разбит; Явь превратилась в безумный, бессмысленный сон» – это Армагеддон. Ужас происходящего передан сквозь призму детских рисунков: *Что бы знакомые мальчики ни рисовали, // Девочка (которая сутки проводит в подвале) пальцем на стенах выводит цветы.* Невольно возникает вопрос о воспитании молодёжи (*Кто-то из взрослых считает, что это красиво, // Что понимает счастливец в такой красоте*), но поскольку рассуждения на эту тему выходят за рамки данного исследования, мы лишь отметим, что поэт сопереживает беженцам /изгнанникам с родной земли/ («Рассветы ослепят напрасной новью»):

*Всесильный враг накладывает лапу
На каждый дом, не пробуй возражать!
<...>*

Прости, счастливой жизни половина!

Оставить всё, что дорого спешу.

(<https://stihi.ru/2022/03/17/1963>)

Он скорбит о судьбе всех участниках происходящего:

Слишком хочется каждому верить

В то, что именно он победит.

*«Мама, милая, **кто эти звери?**»*

Богородица с неба глядит.

(«Мама» – <https://stihi.ru/2022/03/02/182>)

Происходящее представляется противоестественным, противоречащим человеческой природе и Замыслу Божию («Когда-нибудь я научусь не слышать»):

Стоявший на колени опустился,

Могучий стал слабее всех калек,

Я чувствую, что в глину обратился

Прекрасный изначальный человек.

И некому надеяться на чудо,

До самого последнего суда.

Адама будто не было... Откуда...

Ответь мне, брат, откуда мы тогда?

(<https://stihi.ru/2022/02/27/5674>)

Ностальгия поэта обращена к тому времени, когда народы жили в мире, а образ *Прекрасного изначального человека* соответствовал созданному По образу и Подобию.

Создатель! Посмотри, что сделал с нами

Отчаянный и сумасшедший Каин

Наш брат...

(«Сгустилась мгла, не знавшая предтечи» –

<https://stihi.ru/2022/03/16/2174>)

Полагаем, что эти строки не нуждаются в комментариях...

Вместо заключения

Подводя итог, прежде всего напомним, что изучение специфики би- и полилингвального мироощущения уроженцев Грузии, только начинается. Естественно, что собранный материал пока не даёт возможности широких обобщений. Проведенное исследование показало наличие совпадений основных маркеров концептосферы (см.: Модебадзе, 2016), а также симилярность эволюции мировоззренческих ориентиров би- и полилингв у проживающих на территории Грузии и за ее пределами русскоязычных писателей. Это даёт основание полагать, что мы имеем дело с ответвлением единой субкультуры (см.: Модебадзе, 2019). Огромную роль в формировании специфики мироощущения русскоязычного населения сыграл Тбилиси, что прекрасно сформулировал проживающий на территории Германии писатель-мигрант Михаил Гиголашвили: *«старый Тбилиси имел свою ауру, свою особую субкультуру, которая вырабатывалась веками и была основана на толерантности и взаимоуважении всех многочисленных наций, проживавших в этом – не менее вечном, чем Рим, – городе. Тбилисец – очень конкретное понятие, вмещающее в себя много разных составляющих. Среди них в числе первых – гостеприимство, веро- и просто терпимость, душевность, хлебосольность, бесконечный юмор, оценка человека по его сути, а не по рангу, стремление понять душу другого, деликатность, приоритет поэзии и слова над другими проявлениями жизни, уважение к искусству, высокая интеллигентность»* (Гиголашвили, 2009).

Русскоязычная литература Грузии, в особенности ее культурное ядро – тбилисская русскоязычная городская субкультура (см.: Аверина, 2010, с. 412-427; Сванидзе, 1995 и др.), пройдя на протяжении веков все этапы развития от мультикультурализма до аккультурации¹, обрела уникальный культурный опыт. Это дает основание допускать развитие освященного многовековой традицией транскультурализма², сло-

---

1 В процессе аккультурации (взаимовлияния культур) происходит восприятие, полностью или частично, культуры другого народа, могут быть изменены оригинальные культурные модели одной или обеих групп, но сами группы по-прежнему остаются различными.

2 Транскультурализмом принято обозначать принадлежность индивида (или группы) к нескольким культурам при условии сохранения собственной культурной ориентации, т.е. способность осваивать одновременно различные культурные традиции в их совокупности.

жившегося задолго до возникновения самого этого понятия. Исследование творчества проживающих на территории России русскоязычных писателей, уроженцев Грузии, и их потомков указывает на то, что их мироощущение проходит схожие стадии, а именно: поликультурное → мультикультурное → транскультурное. Впрочем, окончательные выводы возможны лишь в результате проведения дальнейших исследований.

Лიტერატურა:

- მოდებაძე, ი. (2016). საქართველოს მწერლობა რუსულენოვან კულტურულ სივრცეში (ტერმინოლოგიური დეფინიციების დაზუსტებისათვის). ქართული მწერლობის ინტერკულტურული მოდელი და ნაციონალური იდენტობის პრობლემა. ISBN 978-9941-22-780-6. თბილისი: უნივერსალი, 265-321.
- Модебадзе И. (2019). «Размывание национальных границ» и проблема культурной идентичности: русскоязычная литература Грузии на рубеже XX-XXI веков (к постановке вопроса). XX საუკუნის 80-90-იანი წლების პოლიტიკური მოვლენები და ლიტერატურული დისკურსი საერთაშორისო სიმპოზიუმის მასალები, II. ISBN 978-9941-13-921-5; ISSN 1987-5363. თბილისი: უნივერსიტეტის გამომცემლობა, 17-36.
- Аверина, М. В. (2010). Городская культура как объект исследования, Культурология. Фундаментальные основания прикладных исследований, 412-427. ISBN: 978-5-89357-274-2. Москва: Смысл.
- Акунин-Чхартишвили, Б. (2012). Аристономия. ISBN: 978-5-815-911-39-0. Москва: Захаров.
- Бахтин, М. М. (1986). Эстетика словесного творчества, Москва: Искусство.
- Белюсова, Г. А. (2007). Городская субкультура как категория современной социологии, Вестник Ставропольского государственного университета, 48/7, 214-219. ISSN 1998-6383. <http://vestnik.stavsu.ru/48-2007/33.pdf>
- Бессокирная, Г. П., Большакова О. А., Караханова, Т. М. (2010). Повседневная деятельность городских жителей в годы реформ: бюджет времени, ценности, тенденции (1986-2008) / Под общ. ред. Т. М. Карахановой/. ISBN 978-5-89697-185-6. Москва: Изд-во Института социологии РАН. <https://www.isras.ru/publ.html?id=2002>
- Бхабха Хоми (2005). Местонахождение культуры. Перекрестки: Журнал исследований восточноевропейского пограничья, 3-4, 161-191. https://en.ehu.lt/wp-content/uploads/2017/11/CrossRoad_3-4_2005.pdf

- Гиголашвили, М. (2009). Немецкий грузин Михаил Гиголашвили: о России и Грузии, о юности в Тбилиси и знаменитом венгерском предке, о деде и Шеварднадзе. <https://fantlab.ru/user5509/blog/tag/%D0%BF%D1%80%D1%8F%D0%BC%D0%B0%D1%8F%20%D1%80%D0%B5%D1%87%D1%8C>
- Глухов, В. П. (2005). Основы психолингвистики: учеб. пособие для студентов педвузов. Москва: АСТ: Астрель, 2005: https://pedlib.ru/Books/4/0356/4_0356-115.shtml
- Кукулин, И. (2013). «Внутренняя постколонизация»: формирование постколониального сознания в русской литературе 1970–2000 годов. Политическая концептология, 2, 149-185. ISSN 2218-5518: <http://politconcept.sfedu.ru/2013.2/09.pdf>
- Кумо Кадзухиро (2006). Миграция Населения в Постсоветской России. Institute of Economic Research Discussion Paper Series DPS-480 Hitotsubashi University, Tokyo, Japan, April. https://www.ier.hit-u.ac.jp/~kumo/MigrationinPost-SovietRussia_ru.pdf
- Липчанская, В. В., Ломтева, Т. Н., Каменский, М. В. (2019). Билингвизм как языковое и социокультурное явление в эпоху мультикультурализма и глобализации. Известия Южного Федерального Университета. Филологические Науки, 3, 46-54. ISSN 2312-1343: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41111687>
- Мартынова, В. В. (2010). Маргинальность как социокультурный феномен эпохи глобализации. Культурология. Фундаментальные основания прикладных исследований. ISBN: 978-5-89357-274-2. Москва: Смысл, 507-528.
- Модебадзе, И. И. (2008), Русская литература в контексте грузинской литературы: история и современность. Русская литература в мировом культурном и образовательном пространстве, Санкт–Петербург 15–17 октября 2008, 1, 1. Русская литература в контексте мировой культуры. ISBN 978-5-91395-024-6. Санкт–Петербург, 350-356.
- Модебадзе, И. И. (2007). Русскоязычные включения в текстах грузинской прозы: история и современность. Русский язык в странах СНГ и Балтии. ISBN 5020362646, 9785020362642. Москва: Наука, 508-516.
- Нестерова, С. Б. (2019). Теоретические подходы к понятию «психологическое время». РЕМ: Psychology. Educology. Medicine, 1, 159-169. ISSN 2312-9352: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k->

ponyatiyu-psihologi-cheskoe-vremya/viewer

- Новолодская, С. Л. (2012). Дефиниция понятий «поликультурный» и «мультикультурный». Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология, 1(8), 234-237. ISSN print: 2221-5662. <https://journal.tltsu.ru/rus/index.php/VNSPP/article/view/2283>
- Полян, П. (2001). Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. ISBN 5942820074, 9785942820077. Москва: ОГИ–Мемориал. <http://old.memo.ru/history/deport/>
- Сванидзе, А. А. (1995). Город как социокультурное явление исторического процесса. ISBN 5-02-011228-3. Москва: Наука.
- Снигирева, Т. А., Подчиненов А. В. (2013). Аристомом Б. Акунина: национально-религиозный аспект. Филология и культура. Philology and Culture, 2 (32). ISSN 2782-4756. <https://cyberleninka.ru/article/v/aristonom-b-akunina-natsionalno-religioznuu-aspekt>
- Филина, М. (2021). Вернуться в Грузию пора мне...» Валентин Никитин. ISBN 978-9941-8-3987-0. Тбилиси: Русский Клуб.
- Фундаментальные основания прикладных исследований, 412-427. ISBN: 978-5-89357-274-2. Москва: Смысл.

References:

- Modebadze Irine (2016). Sakartvelos mts'erloba rusulenovan k'ult'urul sivrtseshi (t'erminologiuri dep'initsebis dazustebisatvis). Kartuli mts'erlobis int'erk'ult'uruli modeli da natsionaluri ident'obis p'roblema. [Georgian literature in the Russian-speaking cultural space (for clasification of terminological definitions)]. ISBN 978-9941-22-780-6. Tbilisi: universali, 265-321.
- Averina M.V. (2010). Gorodskaja kultura kak ob'ekt issledovanija. [Urban culture as an object of study], Culturology. Fundamental foundations of applied research, 412-427. ISBN: 978-5-89357-274-2. Moskva: Smysl.
- Akunin-Chkhartishvili (2012). Aristonomja [Aristonomy]. ISBN: 978-5-815-911-39-0. Moskva: Zakharov.
- Bakhtin M.M. (1986). Èstetika slovesnogo tvorcestva. [Aesthetics of verbal creativity], Moskva: Isskustvo.

- Belousova G.A. (2007). Gorodskaja subkultura kak kategorija sovremennoj sotsiologii. [Urban subculture as a category of modern sociology], Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta, 48/7, 214-219. ISSN 1998-6383. <http://vestnik.stavsu.ru/48-2007/33.pdf>
- Bessorkirnaja G.P., Bol'shakova O.A., & Karakhanova T.M. (2010). Povsednevnaia dejatel'nost' gorodskikh zhitelej v gody reform: bjudzhet vremeni. Tsennosti, tendentsii (1986-2008). [Daily activities of urban residents during the reform years: time budget, values, trends] / Pod obshchej redaktsiej T.M. Karakhanovoj /. ISBN 978-5-89697-185-6. Moskva: Izd-vo Instituta sotsiologii RAN. <https://www.isras.ru/publ.html?id=2002>
- Bhabha Homi (2005). Mestonakhozhdenija kul'tury. [The Location of Culture]. Perkrjostki: Zhurnal issledovanij vostochnoevropejskogo pogranich'ja, 3-4, 161-191. https://en.ehu.lt/wp-content/uploads/2017/11/CrossRoad_3-4_2005.pdf
- Filina Mariya (2021). Vernut'sya v Gruziju pora mne...» Valentin Nikitin. [It's time for me to return to Georgia...» Valentin Nikitin]. ISBN 978-9941-8-3987-0. Tbilisi: Russkiy Klub.
- Gigolashvili (2009). Nemetskij gruzin Mikhail Gigolashvili: o Possii i Gruzii. O junosti v Tbilisi i znamenitom vengerskom predke, o dede i Sheverdnadze. [German Georgian Mikhail Gigolashvili: about Russia and Georgia, about youth in Tbilisi and the famous Hungarian ancestor, about grandfather and Shevardnadze]. <https://fantlab.ru/user5509/blog/tag/%D0%BF%D1%80%D1%8F%D0%BC%D0%B0%D1%8F%20%D1%80%D0%B5%D1%87%D1%8C>
- Glukhov V.P. (2005). Osnovy psikholingvistiki: uchebnoe posobie dlja studentov pedvuzov. [Fundamentals of psycholinguistics: textbook allowance for students of pedagogical universities]. Moskva: AST: Astrel', 2001: https://pedlib.ru/Books/4/0356/4_0356-115.shtml
- Kukulin Il'ja (2013). "Vnutrennjaja postkolonizatsija": formirovanie postkolonial'nogogo soznaniya v russkoj literature 1970–2000 godov. ["Internal post-colonization": the formation of post-colonial consciousness in Russian literature in 1970-2000]. Politicheskaja kontseptologija, 2, 149-185. ISSN 2218-5518. <http://politconcept.sfedu.ru/2013.2/09.pdf>
- Kumo Kadzukhiro (2006). Migratsija naselenija v Postsovetskoj Rossii. [Migration in Post-Soviet Russia]. Institute of Economic Research Discussion Paper Series DPS-480 Hitotsubashi University, Tokyo, Japan, April. https://www.ier.hit-u.ac.jp/~kumo/MigrationinPost-SovietRussia_ru.pdf

- Lipchanskaja V.V., Lomteva T.N., & Kamenskij M.B. (2019). Bilingvizm kak jazykovoe i sotsiokul'turnoe javlenie v èpokhu mul'tikul'turalizma i globalizatsii. [Bilingualism as a linguistic and sociocultural phenomenon in the era of multiculturalism and globalization]. *Izvestija Juzhnogo Federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*, 3, 46-54. ISSN 2312-1343: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41111687>
- Martynova V.V. (2010). Marginal'nost' kak sotsiokul'turnyy fenomen epokhi globalizatsii. [Marginality as a socio-cultural phenomenon of the era of globalization]. *Kul'turologija. Fundamental'nye osnovanija prikladnykh issledovanij*. ISBN: 978-5-89357-274-2. Moskva: Smysl, 507-528.
- Modebadze I.I. (2008), *Russkaya literatura v kontekste gruzinskoy literatury: istoriya i sovremennost'*. [Russian literature in the context of Georgian literature: history and modernity]. *Russkaya literatura v mirovom kul'turnom i obrazovatel'nom prostranstve. Sankt-Peterburg 15-17 oktjabrja 2008*, 1, 1. *Russkaja literature v kontekste mirovoj kul'tury*. ISBN 978-5-91395-024-6. Sankt-Peterburg, 350-356.
- Modebadze I.I. (2007). *Russkoyazychnyye vklyucheniya v tekstakh gruzinskoy prozy: istoriya i sovremennost'*. [Russian-language inclusions in Georgian prose texts: history and modernity]. *Russkiy yazyk v stranakh SNG i Baltii*. ISBN 5020362646, 9785020362642. Moskva: Nauka, 508-516.
- Modebadze I.I. (2019). "Razmyvaniye natsional'nykh granits" i problema kul'turnoy identichnosti: russkoyazychnaya literatura Gruzii na rubezhe XX-XXI vekov (k postanovke voprosa). ["Border Disruption" and the Problem of Cultural Identity (Russian-speaking writers of Georgia at the turn of the XX-XXI centuries)]. *Political Events of 1980-1990s and Literary Discourse Proceedings of International Symposium, II*. ISBN 978-9941-13-921-5; ISSN 1987-5363. Tbilisi: TSU Press, 17-36.
- Nesterova S.B. (2019). *Teoreticheskiye podkhody k ponyatiyu «psikhologicheskoye vremya»*. [Theoretical approaches to the concept of "psychological time"]. *REM: Psychology. Educology. Medicine*, 1, 159-169. ISSN 2312-9352: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-ponyatiyu-psihologicheskoe-vremya/viewer>
- Novolodskaja S.L. (2012). *Definitsiya ponyatiy «polikul'turnyy» i «mul'tikul'turnyy»*. [Definition of the concepts "policultural" and "multicultural"]. *Vektor*

nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pedagogika, Psikhologija 1(8), 234-237. ISSN print: 2221-5662. <https://journal.tltsu.ru/rus/index.php/VNSPP/article/view/2283>

Poljan P. (2001). Ne po svoey vole... Istoriya i geografiya prinuditel'nykh migratsiy v SSSR. [Against one's will ... The history and geography of forced migrations in USSR]. ISBN 5942820074, 9785942820077. Moskva: OGI-Memorial. <http://old.memo.ru/history/deport/>

Svanidze A. A. (1995). Gorod kak sotsiokul'turnoe yavlenie istoricheskogo protsessa. [The city as a socio-cultural phenomenon of the historical process]. ISBN 5-02-011228-3. Moskva: Nauka.

Snigirjova T. A., & Podchin'onov A.V. (2013). Aristonom B. Akunina: natsional'no-religioznyy aspekt. [Aristonom by B. Akunin: national-religious aspect]. Philology and Culture, 2 (32). ISSN 2782-4756. <https://cyberleninka.ru/article/v/aristonom-b-akunina-natsionalno-religioznyy-aspekt>